

ДАНА Р.

Наши шрамы всегда были похожи

18+

Осколки СВЕТА

Р. Дана
Осколки света
Серия «Темная любовь (Феникс)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74610386
Д. Р. Осколки света: ООО «Феникс»; Ростов-на-Дону; 2026
ISBN 978-5-222-50165-8

Аннотация

Александр и Витория – сотрудники ФСБ, для которых служба всегда была выше чувств, а приказы – важнее желаний. Их мир построен на дисциплине, молчании и умении выживать там, где нет права на слабость.

Но совместная операция стирает границы, которые казались нерушимыми. Под прикрытием, в чужой стране, где каждый шаг может стать последним, между ними возникает то, чему нет места в уставах – доверие, привязанность и... любовь.

Содержание

Примечания автора	5
Плейлист	6
Пролог	8
Глава 1	17
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дана Р.

Осколки света

© Р. Д., 2025

© Грищенко А., дизайн обложки, 2026

© ООО «Феникс», оформление, 2026

© В книге использованы иллюстрации по лицензии
Shutterstock.com

* * *

Примечания автора

Приветствую тебя, мой великолепный читатель.

В твоих руках – первая книга из цикла «Разбитые сердца». Эти истории рождены из боли и испытаний героев. Но именно в их разбитости и кроется правда, которую я хочу рассказать.

В книгах цикла поднимаются тяжелые темы: потеря близких, насилие и жестокость, убийства, а также террористические действия и их последствия. И все же это истории о том, как, пройдя через самые тяжелые испытания, можно сохранить в себе силы, чтобы жить, любить и доверять.

Больше новостей о цикле и будущих книгах можно найти в моем телеграм-канале <https://t.me/danarauthor>.

А сейчас самое время погрузиться в невероятную историю любви.

Приятного чтения!

С теплом,

Дана Р.

Плейлист

Pray For Me – The Weeknd, Kendrick Lamar

Meddle About – Chase Atlantic

Shameless – Camila Cabello

The end – Klergy

Sweater Weather – The Neighbourhood

She's My Sunshine – Celeste

Cherry – Lana Del Rey

Wicked Game – Chris Isaak

K. – Cigarettes After Sex

Everything I wanted – Billie Eilish

Born To Die – Lana Del Rey

Skyfall – Adele

Wings – Birdy

Stargirl Interlude – The Weeknd, Lana Del Rey

Nothing Matters But You – Madison Beer

Disfruto – Carla Morrison

My Love Mine All Mine – Mitski

Еле дыша – Крес

Любовь без памяти – Баста

Всем жертвам терроризма.

Мужчинам, которые думали, что потерялись во тьме, но продолжали бороться за свет.

Женщинам, которые хранили свет в душе, сражаясь с тьмой.

Каждому, кто не равнодушен к боли других людей.

Помни, ты не безвозвратно потерян. Твою душу можно спасти. Всегда.

Пролог

Витория, 17 лет

Я посмотрела на небо.

Вдох.

Выдох.

Казалось невозможным сдержать все эмоции, но я слишком хорошо справлялась. Мое лицо – отработанная до идеала маска спокойствия. Незнакомый человек никогда бы не догадался о буре под ней. Но сейчас я была в окружении тех, кто читал меня как открытую книгу. *Моей семьи*. Папа с показной деловитостью доставал мой единственный, до смешного маленький для грядущей жизни чемодан из багажника, перешептываясь с мамой. Они просто давали мне эту минуту. Минуту, чтобы привести в порядок свою разбитую на осколки душу.

Лучи яркого июльского солнца согревали кожу. На мне была простая белая футболка и синие джинсы. Самый подходящий вариант для первого дня заселения в корпус. Но уже завтра моей униформой станет что-то иное, строгое, *обезличенное*.

Меня вовсе не тревожила перспектива, как минимум на

год попрощаться с телефоном, социальными сетями, интернетом и прочими вещами: они мало меня интересовали. У меня будут книги. Этого более чем достаточно. По-настоящему меня беспокоила только разлука с семьей. Я никогда не расставалась с родителями надолго, а Роза была вместе со мной с моих четырнадцати лет.

Но я смогу справиться с этим.

Должна справиться с этим.

Ради моей цели.

Академия ФСБ¹ была не просто выбором вуза. Это был ключ. Ключ от двери в другую жизнь, где я наконец перестану чувствовать себя такой беспомощной.

– Тори, – подозвал папа, возвращая меня в реальность.

Слишком сильно погрузившись в себя, совсем забыла о времени.

– Иду, – отозвалась я, направляясь в сторону родителей.

С каждым шагом тяжесть в груди нарастала, становясь почти физической. Взгляд встретился с маминым – она с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать.

Не успела подойти, как мама заключила меня в объятия. Такие крепкие, что, казалось, она пыталась спрятать меня в своем сердце, вернуть в безопасность, как в детстве. Я уткнулась носом в ее плечо, вдыхая родной запах духов и домаш-

¹ Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации – высшее военное учебное заведение, осуществляющее подготовку офицеров Федеральной службы безопасности Российской Федерации и других российских спецслужб и спецслужб дружественных государств.

него уютно. Ее пальцы запутались в моих светлых волосах, точь-в-точь таких же, как у нее. Мы были похожи. Мне достались ее эмоциональность и сентиментальность, но в отличие от нее, открыто выражавшей свои чувства, я привыкла все держать в себе. Эту черту я, несомненно, унаследовала от папы.

– Доченька... – ее голос сорвался на шепот, губы коснулись моей щеки. – Я так тебя люблю. Будь сильной и береги себя. Ты со всем справишься. И помни, мы с папой всегда рядом с тобой.

Горло сжалось от подступающих слез.

– Я вас очень люблю. И эта разлука ненадолго, всего лишь год. Не переживайте, все будет хорошо. Если разрешат, то я буду звонить вам каждый день!

Мама неуверенно кивнула и наконец выпустила меня из своих крепких объятий. Она чувствовала, как мне тяжело, но мы не стали заострять на этом внимание. Вместо слов обменялись теплыми улыбками – этого оказалось достаточно, чтобы выдержать всю тяжесть момента.

Затем подошел папа. Он поцеловал меня в лоб. Как печаль: «Иди, ты справишься». И на секунду я и правда почувствовала себя той маленькой девочкой, для которой папа – целый мир.

– Я так горжусь тобой, Тори. Никогда не забывай об этом.

Я лишь кивнула, прижавшись щекой к его груди. Мы всегда понимали друг друга без слов.

И тут – вихрь. Алый, стремительный, нарушающий всю торжественность момента. *Рози*. Ее гранатовые волосы развевались на ветру, а лицо выражало твердую решимость. Кажалось, сейчас она способна снести любого человека на своем пути.

Мы ринулись навстречу и в стремительном объятии едва не опрокинули друг друга.

– Успела! – выдохнула она, запыхавшись.

– Я даже не сомневалась.

Мы рассмеялись. На душе сразу стало так легко, что я совсем забыла о тяжести момента. Словно глоток свежего воздуха в удушающей атмосфере прощания.

– Если не будешь мне звонить, то я приду и буду громить здесь все до тех пор, пока не увижу тебя! – произнесла *Рози* с до нелепости серьезным лицом. Я невольно закатила глаза.

– Не переживай, я буду звонить. Не хочу подвергать невинных людей опасности, – ответила я, продолжая смеяться.

Время поджимало, и мне действительно пора было идти. Как будто почувствовав это, *Рози* протянула руку, а я вложила в нее свою ладонь. Смотря друг другу в глаза, мы произнесли очень значимые для нас слова:

– Всегда против всех.

– Всегда против всех.

Один последний взгляд. На маму, пытающуюся улыбаться. На папу, смотрящего с немой гордостью. На *Рози*, мою

нерушимую, безумную Розу... Весь мой мир был именно здесь — в этих людях.

Я выдохнула, развернулась и направилась в сторону корпуса. Каждый шаг требовал огромных усилий. Желание оглянуться было почти непреодолимым.

Но я сдержалась, сжав ручку чемодана так, что пальцы побелели.

Сейчас я стояла на пороге совершенно новой и неизведанной жизни.

Что же ожидает меня там?

Александр, 22 года

Я смотрел, как его уводят.

Свет люминесцентных ламп мертвым сиянием падал на его лицо. Он шел, слегка раскачиваясь, с нарочито вальяжной походкой, будто возвращался с победного банкета. На прощание его пустой взгляд встретился с моим. В глазах этого придурка не было ни капли раскаяния, ни капли страха. *Ничего.*

Он планировал теракт, в результате которого погибло бы множество людей, семей, детей...

Но мы успели вычислить и обезвредить его.

Я должен был испытать облегчение, но, когда заметил на его лице вызывающую, наглую ухмылку, что-то внутри оборвалось. Кровь ударила в виски, густая и горячая. Весь день,

весь этот адский марафон я держался на железном самообладании. А сейчас оно лопнуло, как перетянутая струна. Все мышцы напряглись. Я не думал ни о последствиях, ни об уставе. Только смотрел на него и видел того, кто когда-то отнял у меня *все*.

Я чуть было не рванул в его сторону, как вдруг тяжелая, твердая рука сжала предплечье. *Михаил*.

– Не надо. Он не стоит того, чтобы потерять все, – произнес он и кивнул нашим, чтобы те поспешили увести задержанного за угол, где его ухмылка наконец исчезла из поля зрения.

Михаил никогда не видел меня таким, ведь я всегда прятал эмоции и держал все под контролем. Однако в его глазах не было ни удивления, ни осуждения.

Я глубоко вдохнул, пытаюсь вытеснить из груди ком ядовитого напряжения. Адреналин медленно отступал, оставляя после себя лишь горький привкус собственной слабости.

– Я в порядке, – кинул я, похлопав его по плечу.

Мои слова прозвучали пусто, и он это понимал. Просто кивнул, и мы молча пошли к выходу.

Было далеко за полночь, когда я подъехал к дому. Город спал. Только мой автомобиль нарушал тишину спального района. Подъем в лифте показался вечностью. Наконец-то мой этаж. Ключ, входя в замочную скважину, щелкнул оглушительно громко.

Дверь закрылась, и я прислонился к ней, оставшись в пол-

ной тишине, пытаюсь похоронить за этим порогом весь тот ад, из которого вернулся. Запах пороха, пота, металла, крики по рации, ледящий душу страх в глазах заложников... Все это навсегда въедается в кожу и уже никогда не покидает. А здесь, в квартире, пахнет ничем.

Мои шаги по паркету прихожей эхом отдавались в пустоте. Я бросил ключи на барную стойку на кухне. Скинул тяжелый, пропахший чужим горем пиджак. Швырнул галстук на вешалку.

В соседней квартире такая же темнота и тишина. Там жил мой брат, Владимир, но сейчас даже его не было дома: он снова находился в разъездах из-за постоянных тренировок и матчей.

Гостиная встретила меня ледяным дыханием, исходившим от вещей. От книжного шкафа, книги в котором никто не перечитывает. От идеально чистого стекла журнального столика. От телевизора, который я включал только тогда, когда брат бывал здесь. Эта квартира – красивая ухоженная оболочка, внутри которой – вакуум.

Я плюхнулся на диван. Кожаная обивка была ледяной, и холод тут же пробрал меня сквозь ткань брюк. С тяжелым вздохом я опустил голову и провел рукой по волосам. Сегодняшний день выдался трудным, как и каждый, когда события прошлого наступали мне на пятки.

Мой взгляд, блуждающий по комнате, наткнулся на нее – на старую фотографию в деревянной рамке, стоявшую на

комоде. От нахлынувших воспоминаний тело окаменело.

На снимке они были такими счастливыми. Мама, заливаясь смехом, обвивала руками шею отца, а он, сильный, молодой, держал ее на руках. В его глазах светилось такое обожание, что даже сейчас, спустя столько лет, это счастье обжигало душу ледяным прикосновением утраты. Это был день рождения мамы. Мы с Владимиром бегали вокруг, а родители смотрели на нас так, будто все грядущее было обещанием, которое они уже держали в руках так же крепко, как держали друг друга.

Этого будущего не стало через две недели.

Случайные жертвы. Сухие слова в сводке новостей, за которыми – оборванные жизни.

Если бы только в тот день они остались дома... Бесконечные «если бы», которые ни к чему не приводили, кроме острой, режущей боли где-то под ребрами.

Когда они погибли, мне было девять, а брату – семь. Дедушка получил опеку и воспитывал нас. Тяжело было не только нам, но и ему: тогда он потерял свою дочь и на его плечи легла ответственность за двух детей. Он вырастил нас. Выучил. Сделал мужчинами. Владимир ушел в спорт, я – в борьбу. С тем призраком, что отнял у нас родителей. Я думал, что смогу отомстить. Что каждый задержанный террорист – это капля отмщения. Но с годами я понял, что месть – это дырявое ведро. Ты черпаешь им воду из океана зла, а она все утекает. И ты остаешься один на один с этим океаном,

просто не давая ему пролиться на других.

Резко встряхнув головой, с силой растер ладонями лицо, будто стирая с него налипшие образы. Нужно было собраться. Я прошел в ванную, наклонился над раковиной и с силой плеснул в лицо ледяной воды. Она обожгла, заставила вздрогнуть. Капли стекали по лицу на воротник рубашки. Я смотрел на свое отражение в зеркале: уставшие глаза, глубокая складка у рта. Лицо человека, который борется с призраками, сам почти став одним из них.

Уже через пару часов нужно было вставать и снова возвращаться в отдел. После академии на протяжении полугода я служил здесь и стал, как говорило начальство, «ценным сотрудником». Я не боялся работы, скорее наоборот, – жаждал ее. Рвался на самые сложные задания, брал сверхурочные, засиживался допоздна. Служба была моим щитом от прошлого и оправданием для настоящего. Здесь были нужны такие, как я, – трудоголики, готовые поставить службу выше личной жизни, *выше всего*.

Но, глядя в свое отражение, я поймал себя на мысли, которая приходила ко мне все чаще: всегда ли я смогу действовать так? Хватать за горло свою ярость, когда она рвется наружу? Искать в глазах преступников тень тех, кто отнял у меня все, и при этом оставаться холодным профессионалом? Или однажды эта тень станет такой реальной, что железная хватка самообладания снова ослабнет?

И что тогда останется от меня?

Глава 1

Витория

Пять лет спустя

Я проснулась в холодном поту, дыхание сбилось.

Начинало светать, было около пяти часов утра.

Тяжело дыша, я пыталась прийти в себя от сна, который на протяжении многих лет преследовал почти каждую ночь. Выстрелы и крики продолжали слишком громко звучать в голове.

Тело было тяжелым, как после долгого пути, а сердце отбивало тревожный ритм, напоминания о невозможности быть в безопасности даже во сне.

Рука почти машинально потянулась к стакану на прикроватной тумбе. Стекло было приятно прохладным в ладони. Я сделала несколько мелких глотков, надеясь, что вода освежит и прогонит тягостные мысли. Но она так и не смогла смыть привкус страха. Бессонница была моей вечной спутницей, а тревога – ядовитым одеялом, под которым я задыхалась каждую ночь.

Я встала, босые ступни коснулись холодного паркета – по

коже побежали мурашки. В ванной пахло влажным кафелем и мятной зубной пастой. Я посмотрела в зеркало и встретила себя. Лицо казалось слишком спокойным, почти чужим. Никаких следов боли, ни одной складки от бессонницы.

Люди думали, что я равнодушна. Но истина всегда была глубже и *ужаснее*. Я никогда не позволяла никому дотрагиваться до того хаоса, что жил во мне. Слишком опасно. *Слишком хрупко*.

Сейчас нужно было взбодриться. Сбросив ночную одежду, шагнула в душ. Струи воды обрушились на плечи, обжигая кожу. Я сосредоточилась на этой боли, на ее честности. Она была реальной. Она отвлекала от воспоминаний о выстрелах и криках.

Не знаю, сколько прошло времени – минута или час. Но когда дрожь внутри утихла, сменившись глухим, знакомым онемением, я выключила воду. Тишина снова оглушила. Я укуталась в махровое полотенце – ворсистая ткань впитывала влагу, и ее тепло, искусственное, но такое необходимое, медленно растекалось по замерзшему телу, даря призрачное утешение.

Вернувшись в комнату, я надела свои «доспехи»: строгие черные брюки, белую рубашку из грубой ткани. Один из моих классических образов на работу. Я никогда не придерживалась какого-то конкретного стиля, но служба требовала соблюдения определенного дресс-кода. Макияж занял считанные секунды: два взмаха тушью, делающие взгляд чуть ост-

рее, и бежевый карандаш, смягчающий губы.

В полной тишине я направилась на кухню и заварила зеленый чай, долго держала чашку в ладонях, позволяя теплу согреть кожу. Села за стол, откусила яблоко. Его хруст отозвался в голове как знак того, что день начался.

Надев наушники, я включила любимую музыку. На душе сразу стало спокойно. Тревожные мысли отступили, уносясь прочь с первыми же нотами. Казалось, мелодия становилась частью меня.

Закончив с завтраком, заглянула в комнату Розы. Та лежала, раскинувшись поперек кровати. Одеяло сбилося в ком у ног, а ярко-красные волосы рассыпались по подушке.

– Розы, вставай, – прошептала я едва слышно.

Реакции не последовало. Что, впрочем, было ожидаемо.

– Огонек, ну же, просыпайся, ты сейчас все проспайшь! – мой голос стал громче, обретая привычные нотки.

Розы вздрогнула всем телом, как от толчка, и подскочила, уставившись затуманенными после крепкого сна глазами.

– Да? Что? – Ее голос был хриплым. – Я опять проспала все пять будильников. Вот ответ мне, когда это уже закончится?!

– Думаю, никогда, – усмехнувшись, произнесла я.

– Уже половина восьмого! Как я могла так долго спать? –

Розы схватилась за голову. – Тебе уже нужно уходить?

– Меня ждут к половине девятого – сейчас буду выезжать.

– Эх, хорошо, но сегодняшний вечер наш!

– Обязательно.

После школы и моего года в казарме мы с Розы сняли квартиру. Это было удобно. Мы стали близки, и наши ежедневные разговоры были для меня отдушиной, хотя ее работа в суде и моя служба постепенно сокращали это время.

Опаздывать было недопустимо. Наскоро накинув тренчкот и туфли, схватив ключи и сумку, я на прощание обняла Розы.

– Давай, огонек, я побежала. Удачи тебе! Ты со всем справишься, я в тебя верю. Всегда!

– И я верю в тебя. Будь осторожна! – Розы протянула ладонь. Руки сомкнулись, а взгляды встретились.

– Всегда против всех.

– Всегда против всех.

Послав на прощание воздушный поцелуй, я поспешила на парковку.

Пробки, к счастью, были меньше обычных московских, и до места я добралась быстро. Перед выходом бросила взгляд в зеркало, проверила тугой хвост – ни одной выбившейся пряди. Густые непослушные волосы были аккуратно убраны, и вместе с ними словно бы скрылась часть моей личной жизни, уступив место служебной роли. Эта простая манипуляция возвращала необходимое ощущение контроля и собранности.

Каблуки отстукивали четкий быстрый ритм по брусчатке по пути к штаб-квартире. Распахнув дверь, я прошла к от-

дельному входу и приложила пропуск. Над металлической дверью появился зеленый сигнал.

В кабинете царило сосредоточенное напряжение. При взгляде на большую маркерную доску, завешанную фотографиями, схемами и распечатками, я невольно вздохнула. В центре – лицо мужчины с пустыми, словно выгоревшими глазами. Артем Колесников. Не фанатик, не идеолог. Всего лишь исполнитель.

Полковник Михаил Гаврилов стоял у доски, размахивая маркером и указывая на схему торгового центра, где, по версии, должен был произойти взрыв. Его спина ровная, движения четкие. Как руководитель группы, он за месяц успел проявить себя с лучшей стороны: доступный в общении, без тени высокомерия он сохранял неизменную доброжелательность. Собственной интуиции я доверяла: способность читать людей, остро чувствуя их скрытые намерения, давно стала частью моей работы. Она не раз помогала, хотя иногда это знание становилось бременем.

Вероника Аксенова, старший лейтенант, уже сидела за своими мониторами, лицо ее было озарено мерцающим синим светом.

– Доброе. Что по нему? – спросила я, подходя ближе.

– Доброе, – Ника не отрывала взгляда от экранов, где бесконечными потоками текли данные. – Ловлю его. Парень как парень. Работал водителем, уволился месяц назад. Кредиты, долги. А потом... выход на черный рынок. Искал быстрый

заработок. Почти нашел.

Пальцы порхали по клавишам, сопровождаемые ритмичным щелканьем мыши. Вероника была компьютерным гением, способным извлечь из сети любую информацию. Мы с ней ладили – редкая удача, учитывая, что с остальными в отделе я почти не общалась. С момента окончания учебы и получения лейтенантских погон прошел всего месяц. Я все еще считалась новичком, но прогресс уже был заметен.

Кивнув в ответ, я погрузилась в работу. Снова открыла папку с делом, уже в десятый раз пробегая глазами по знакомым строчкам, выискивая ту самую, упущенную, невидимую зацепку.

Рядом сидел Егор Филиппов. Капитан. Рыжий, веснушчатый, с мягкими чертами лица. Казалось, он попал в этот суровый отдел ФСБ по ошибке, перепутав дверь в отделе кадров. Он мог часами шутить и рассказывать нелепые истории. Но первое впечатление обманчиво. Мне уже приходилось видеть, как эти мягкие черты за секунду становились острыми и суровыми, а веселые глаза превращались в прицел.

– Есть, – выдохнула Вероника, и адрес вспыхнул на центральном экране. – Арендованная однушка, спальный район.

Я резко поднялась со своего места.

– Хорошо, Аксенова, – раздался спокойный голос полковника Гаврилова. – Готовимся к проверке. Цель – осмотр и задержание.

Схватив оружие, я подготовилась к выходу. В воздухе за-

гудела энергичная, но сдержанная суета. Каждый знал, что делать.

– Группа, на выход! – скомандовал Гаврилов.

Помахав Нике на прощание, поспешила вниз. На улице ждали машины: в одной – группа захвата, в другой – коллеги. Едва успев сесть, мы тронулись. Пульс, вопреки всем тренировкам, участился, подкрадывалось чувство тревоги. Но страшные мысли пришлось отбросить, все внимание – на дело.

– На месте, – произнес один из сотрудников, и мы вышли из машины.

Осмотрелась. Обычный пятиэтажный дом, ничем не примечательный, как и тот, кто собирался устроить теракт. Сняв пистолет с предохранителя, я двинулась за остальными. Мы действовали бесшумно, словно тени. Спецназ занял позиции вокруг подъезда.

Поднявшись на третий этаж, мы замерли у двери с номером 37. Филиппов встретился взглядом с бойцом, вооруженным тараном, но Гаврилов мотнул головой – пробуем тихий вариант.

– Откройте, я ваш сосед снизу. У меня весь потолок залит. Что это такое? Сейчас полицию вызову! – прокричал он.

Способ был обычным, но, как ни странно, работал. За дверью слышались шаги, и едва створка начала открываться, мы резко рванули внутрь.

– Лежать!

– Руки за голову!

– Не двигаться!

Его быстро прижали к полу, не оставив шансов для сопротивления.

– Все чисто, – доложил сотрудник спецназа, и мы приступили к осмотру квартиры.

Я шагнула на кухню, поскольку остальные комнаты уже были заполнены. Помещение выглядело обжитым: грязная посуда в раковине, пустая пачка от лапши быстрого приготовления на столе. Взгляд упал на старую стенную панель рядом с холодильником. Казалось, будто ее недавно трогали, и один уголок слегка отходил от стены.

Осторожно подцепив край, я обнаружила аккуратно вырезанное углубление, а в нем – не самодельное взрывное устройство, а блок в пластиковом корпусе промышленного изготовления.

– Товарищ полковник, – прокричала я.

Буквально через секунду на кухню зашел Михаил Витальевич. Я указала на находку, и он похлопал меня по плечу.

– Молодец, лейтенант. – Едва заметное облегчение на его лице быстро сменилось привычным серьезным взглядом. – Осталось найти тех, кто стоит за этим.

* * *

Я подъехала к дому только в полночь, хотя была уверена,

что мы закончим лишь к рассвету. Роза вернулась ненадолго раньше. Мы, молча переглянувшись, отменили все планы на вечер: усталость была слишком сильной.

В своей комнате я распахнула окно и вдохнула прохладный воздух. Город засыпал, убаюканный огнями фонарей, и лишь где-то вдалеке слышались редкие звуки машин. Я стояла и смотрела в темноту, ощущая, как усталость постепенно превращается в облегчение.

Сегодня мы остановили беду. Люди, которые сейчас спокойно ужинают с семьями или просто гуляют по улицам, даже не догадываются, что кто-то хотел лишить их этих простых радостей. И, может, так и должно быть. Пусть они не знают. Пусть продолжают верить в спокойную жизнь без страха, без боли.

Я коснулась рукой холодного подоконника и подумала: моя борьба, бессонные ночи, тревога, шрамы – ради этого. Ради того, чтобы хотя бы у кого-то оставался дом, куда можно вернуться, оставались люди, которых можно обнять.

День не прошел зря, мы смогли спасти чьи-то жизни.

Это было важнее всего.

Глава 2

Александр

Я замер у двери своей квартиры, роясь в карманах в поисках ключа. Поставив сумку на пол и освободив руки, наконец нашел его. Ключ вошел в замочную скважину, но повернуть его не удалось: внутри кто-то был. Круг подозреваемых был узок: кроме меня, доступ имели только брат и дедушка.

Я постучал и вскоре услышал приближающиеся шаги и собачий лай. Дверь распахнулась – на пороге стоял Владимир в своем привычном образе: огромные спортивные штаны и футболка, завершающая расслабленный стиль. Его каштановые кудри, вечно жившие своей независимой, бунтарской жизнью, контрастировали с моими темными, почти черными волосами.

– Зачем тебе своя квартира, если ты все время проводишь в моей? – спросил я с наигранным упрямством.

Владимир усмехнулся.

– Только не притворяйся, что не скучал: я-то знаю правду, – произнес он, хлопая меня по спине. – Но не обольщайся: у тебя просто удобный диван.

Сопротивляться было бесполезно. Я не сдержал улыбки.

Подшучивать было его обычной манерой общения, и редко когда на его лице появлялось серьезное выражение.

Конечно, я скучал по нему. Последние четыре месяца провел в командировке, отслеживая новую террористическую группировку. Работа увенчалась успехом: всех задержали, обошлось без жертв. Встреча с братом после такого тяжелого расследования ощущалась как глоток свежего воздуха.

Когда Владимир повернулся, направляясь в комнату, я обратил внимание на его футболку. На спине над фамилией красовалась цифра восемь.

– Я недооценивал уровень твоего тщеславия. Ты даже дома носишь футболку со своим игровым номером.

Услышав мой едкий комментарий, он прокричал в ответ:

– Ты не переживай, я оставил одну и для тебя, как для своего самого главного фаната.

Усмехнувшись, я присел на корточки, уделив внимание собаке, радостно кружившей около меня. Это была красивая хаски с серыми глазами и дымчатой шерсткой, за что и получила кличку Дымка. В подростковом возрасте мы с Владимиром выбрали ее на улице еще щенком. Дедушка разрешил оставить собаку себе, и с тех пор брат не расставался с ней, брал даже на сборы и соревнования.

– Ты скучала, красавица? – Я гладил ее за ухом, а она возбужденно лаяла и виляла хвостом. Дымка была доброй и очень умной собакой. Ее доверие нужно было заслужить, и

я счел это достижением.

Погладив Дымку в последний раз, я поднялся и направился в гостиную. Она побежала следом. Владимир развалился на диване, балансируя чашкой с кофе в одной руке и телефоном в другой.

– Ага, дед, не кипятись, я ему передам. – Он сбросил звонок. – Вечером ждет нас на ужин, и ему все равно на твои «важные дела». Он слишком давно не видел внука.

– Приду. Официально я возвращаюсь завтра, так что сегодня ничего не должно помешать. Но сейчас мне нужно съездить на работу и доложить о результатах дела. Это ненадолго.

– Хорошо, а то дед вынесет мне все мозги, если тебя не будет.

Я усмехнулся, зная, что так и случится.

Брат и дедушка составляли всю мою семью, и я бесконечно дорожил их любовью и поддержкой, несмотря на то что не был щедр на внешнее проявление чувств.

Пару часов спустя, отдав начальству краткий сухой отчет о завершенной операции, я спустился к своей группе. Большинство коллег встретили меня дежурными кивками, улыбками, за которыми сквозила привычная настороженность. Многие меня избегали, за исключением горстки людей, с которыми я поддерживал контакт. Но мне было плевать: внимание толпы – вот в чем я точно не нуждался. Сейчас мне хотелось поздороваться с Михаилом и быстрее уехать. Он, будучи старше на пять лет, когда-то стал моим наставником,

а теперь возглавлял нашу группу. Я никогда не стремился к руководящим должностям, хотя это было ожидаемо с учетом карьерного роста, и предпочитал просто выполнять свою работу.

Я заметил Михаила в дальнем конце зала. Мы обменялись крепким рукопожатием.

– Александр, рад тебя видеть.

– Взаимно. Как обстановка? – Я окинул взглядом знакомое помещение.

– В штатном режиме. Вчера закрыли одно дело, ты, наверное, слышал. Говорят, и у тебя все чисто.

– Да, – коротко ответил я.

Михаил нахмурился и усмехнулся, похлопав меня по плечу.

– Как всегда, немногословен.

Я собирался что-то ответить, но взгляд наткнулся на незнакомую фигуру. Девушка стояла к нам спиной, беседуя с Вероникой. Туфли на каблуке, идеально сидящие строгие брюки, черная блузка с треугольным вырезом. Длинные светлые волосы собраны в высокий хвост, открывая изгиб шеи. Но дело было не в одежде. Дело было в позе. В линии плеч, в наклоне головы – во всем читалась не просто уверенность, а абсолютный, ледяной контроль. Контроль над каждым мускулом, каждым движением.

– Кто это? – спросил я и мысленно одернул себя за резкость тона. Вопрос прозвучал почти как требование.

Михаил, не поднимая глаз от бумаг, ответил:

– А, это Витория Морозова. Лейтенант. Ее перевели к нам через месяц после твоего отъезда. Перспективная. Хороша в профайлинге². Правда, немногословна, так что больше ничего не скажу.

Я не мог оторвать от нее взгляд, ловил каждое едва заметное движение: поворот запястья, когда она поправила папку, легкий наклон головы в сторону слов Вероники. И в этот момент она обернулась. Воздух застрял в легких, когда ее зеленые глаза встретились с моими. Не скользнули, не оценили, а встретились и зацепились. На отточено-прекрасном, холодном лице не дрогнул ни один мускул. Ни удивления, ни любопытства, ни смущения – *ничего*.

Она не отводила взгляд. *Я тоже*.

Казалось, она видела меня насквозь. Почему я не мог отвести этот чертов взгляд? Почему не мог перестать вглядываться в нее словно загипнотизированный? В ее глазах таилось нечто, чего я был не в силах постичь.

– Ты здесь? – голос Михаила вернул меня в реальность. Я посмотрел на него, с трудом отрываясь от Витории. – Я тебя уже который раз зову. – Его голубые глаза оценивающе скользнули по мне.

– Да, просто задумался. – Под воротником рубашки на-

² Профайлинг – это комплексный метод психологического анализа, который позволяет на основе вербальных (речь) и невербальных (мимика, жесты, поведение) признаков составить психологический портрет человека, спрогнозировать его поведение и выявить искренность намерений.

растал жар. — Мне пора. Завтра выхожу.

— Хорошо, до встречи, — произнес Михаил, все так же подозрительно глядя на меня.

Направляясь к выходу, мой взгляд невольно снова коснулся ее.

Какого черта я думаю о ней?

Она стояла ко мне спиной, изучая документы. По мере приближения я продолжал рассматривать ее волосы, проклиная себя за это. Они были такими светлыми, что, казалось, будто локоны светились.

Так, Александр, это не нормально. Волосы не могут светиться, у тебя, наверное, помутнение рассудка. Надо на воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.